

Сестра таланта

Автор:

Виктория Кирдий

Сестра таланта

Виктория Кирдий

Одобрено Рунетом

Виктория Кирдий до сих пор была известна читателю главным образом как художник и книжный иллюстратор. А благодаря вошедшим в эту книгу зарисовкам о жизни, о детстве, обо всем на свете, мы можем убедиться, что она наделена еще и прекрасным чувством слова. И особым видением, умением точно выхватить и отобразить детали, которые все видят каждый день, но никто не замечает.

Виктория Эрнестовна Кирдий

Сестра таланта

Предисловие

Иркутск считается культурным городом не из-за иркутских медведей, которые уступают в трамвае места старушкам.

А потому что в Иркутске родилась Вика Кирдий, человек-мультияшка, гений психологизма пузатой каракули, основатель детского импрессионизма. Свой первый карандаш Вика отобрала у доктора в родильном доме. Съесть грифель ей тогда не дали. Родители девочки считали, что живописью нельзя кормиться.

Воспитатели детского сада помнят Вику как «девочку, которую не следует ставить в угол, иначе она изрисует обои». И до сих пор в Иркутске можно найти книги, раскладушки, автобусные сиденья, парты и билеты на пароход, размалеванные рукой будущего мастера. Однажды, обнаружив, что собрание сочинений Льва Толстого давно и богато иллюстрировано родной дочерью, мама Вики сказала твердо: «Езжай в Москву и всю ее закаляй». Шучу. Мама отправила Вику поступать на модельера. Так Вика стала художником. Если вы не видите тут логики, значит, все правильно, вы по-прежнему читаете биографию Виктории Кирдий. Хорошие, нелогичные художники очень нужны были на студии «Пилот», где персонажей принято рисовать с самих себя. Еще Вика преподавала в Вальдорфской школе. Там она была единственной училкой с татуированной ногой.

Понимаете, у нее водилась подруга. Подруге хотелось татуировку, необычную. А придумать красивое подруга не могла. Она была простой девушкой, никогда не ела докторских карандашей и не рисовала на трамваях. Вика нашла ей на скальном оленя, прекрасного. Они договорились встретиться в тату-салоне. Вика пришла, а подруга – нет. И вот, чтобы не обижать татуировщика неявкой посетителя, Вика мужественно предложила раскрасить свою женственную ногу. То есть понимаете, она за рисование как таковое, везде, всегда и на всем. За врожденную ненависть к нераскрашенным пространствам Вику приняли в Союз художников РФ и Международную федерацию художников. Членом, что характерно. В Москве прошло несколько ее выставок. И вышло уже много книг с рисунками. Прямо как у какой-нибудь Микеланджело.

Слава Сэ

Когда деревья были большие

Самое первое мое воспоминание – ясли. Точнее, запах каши и карболки под лестницей. Мокрые колготки и изжеванный воротник на рубашке. Когда я вижу маленького ребенка в яслях, на меня вновь наваливается тоска оставленности в казенном заведении.

Сестра увидела в школьной столовой, что все кастрюли подписаны. Восхитилась. Мы еще долго отскребали масляную краску с того, до чего дотянулись ее руки. Потом она выросла и стала архитектором.

Моими друзьями были ножницы. Я вырезала цветы из штор и маминых платьев, фотокарточки из документов, картинки из энциклопедий. Потом я тоже выросла и полюбила острые ножи.

В детстве меня часто ставили в угол. Я быстро смекнула, что стоять скучно, и заранее запасалась грифелями из карандашей. В квартире не осталось ни одного чистого угла, во всех словно густо насидели мухи. Своему сыну я сразу выдавала в угол карандаши. Он стал программистом.

В детском саду в тихий час нас укладывали спать на раскладушки. И однажды я обнаружила, что все двадцать раскладушек изрисованы мной. Я до сих пор люблю карандаши и краски, как праздник, который всегда со мной.

Мама стала приносить для меня лоскуты тканей из ателье и подарила коробку из-под телевизора. Это был самый богатый картонный дом в моей жизни, полный трофейных шифонов, шелков, жоржетов, всего воздушного и невесомого. Теперь я одним прикосновением могу определить, есть ли в ткани синтетика.

Натрогала.

Недалеко от нашего дома была трамвайная остановка, и там же стояла маленькая будка для смотрительницы путей. А рядом – деревянный короб, куда заглядывала смотрительница, она что-то оттуда зачерпывала ковшом и уходила. Мне казалось, что там драгоценности, которые она где-то перепрятывает. Уговорила малолетнего брата на грабеж. И вот мы сидим у открытого ящика, наполненного песком.

В нашем детстве существовал старьевщик. Он выменивал ветошь на дешевые пустяки и игрушки. Так мы обзавелись резиновой лягушкой с помпой и ежиком со свистулькой. Однажды старший брат в наказание заколотил наши сокровища в ящик комода. Теснимые скорбью, мы год вынимали из него огромные гвозди. Вынули. После месяц ходили королями с резиновой свитой. Жизнь игрушек недолгая. Но, наверное, где-то есть игрушечный рай, в котором живут мишки с оторванными лапами, безглазые зайцы, машинки без колес, утерянные пуговицы и детали конструктора. Может, там живут наши ежик и лягушка.

Мусорных контейнеров не было. По улицам ездил машина, и мусорщик трезвонил в колокольчик. Как я вождедела иметь такой же!

Забирались по полкам платяного шкафа на самый верх и прыгали на кровать, соорудив из наволочки парашют. Продавили панцирную сетку кровати до самого пола. Когда кровать укрепили досками – наша парашютная карьера закончилась. Как-то мне подарили билет в аэродинамическую трубу. Выяснилось, что я мало чем отличаюсь от той кровати.

Старший брат прикрутил к доске негодные коньки, нам эта доска казалась роскошными ледяными санями. Полярная экспедиция собиралась из соседского мальчика, провиант – из булки с сахаром и дверного коврика для тепла. Самому выносливому выпадало быть оленем.

Мама водила нас купать в городскую баню с колоннами у парадного входа. Мне так нравилась эта баня: мраморные скамьи, клубы пара, кипяток из крана, шайки, мочалки и кадушки с ледяной водой. И много розовых смеющихся женщин. Мы с братом сидели в тазу с пеной на голове и были абсолютно счастливы. Потом нам давали кружку холодного кваса с листиком от смородины. А после мы бежали к истопнику выпрашивать уголь с отпечатком окаменелости, который он приберегал для нас.

Смастерили подъемный кран из коробки, крючка и катушки ниток, чтоб спускать морскую флотилию из коры и бумаги со второго этажа на первый в весенние сугробы, в надежде, что эти корабли унесет в океан. Летом вся флотилия стояла на рейде в кустах акации.

В Иркутске мы жили в старом двухэтажном доме на два подъезда. Печное отопление, дрова в сарае, ледяная вода из колонки. Пришло время сносить печи, ставить батареи и ванну, но ее негде было купить. Только на заводе. Мама договорилась с директором, а вот вывезти ванну без нужных бумажек оказалось нельзя. Она наняла мусоровоз, ванну погрузили в него, мама легла в ванну и выехала. А через год брат стал стесняться купаться со мной. Больше не с кем стало выдувать мыльные пузыри из мочалки. Ему было четыре, а мне пять лет.

Однажды мы с братом обзавелись вшами. Радости было полные штаны – сидеть с пакетами на голове, обмазанной керосином.

Собирали с братом бутылки и на вырученные деньги покупали сахарную вату и билеты на речной трамвай. Мы уже давно выросли, но осталась еле уловимая связь между стеклотарой и путешествием.

Как-то у меня случился большой заказ на роспись. Денег хватало на два билета до Иркутска и обратно. Мы с братом поехали взглянуть на наше детство. Меня больше всего удивило не то, что все оказалось крошечным, а то, что на стене дома, под окнами когда-то нашей квартиры, была свежая надпись: «Вика дура».

Я так обрадовалась рождению новой девочки Вики.

В нашем дворе росли три старые черемухи. Весной они наполняли воздух сладко-горьким запахом и шмелями. Летом служили нам домом, а осенью щедро нас кормили. Когда мы выросли, эти черемухи оказались маленькими кустами.

Был у меня в детстве дружок Андрюша, к которому меня приставили делать уроки. Так я из хорошистки стала троечницей. Ну не до уроков же, когда улица полна пушистых гусениц, голубых стрекоз и дятлов в березовой роще, розовых червей в жирной земле, личинок, пустых гнезд и тайных нор. А в классе постарше отличник Павленко, сидя со мной за одной партой, так же тихо скатился до географических карт, книг с приключениями, поисков кладов и пробы всего на вкус. Как мы не отравились, не знаю. Но я помню вкус всего этого несъедобного. Как и белого искристого мрамора с железнодорожной насыпи, так похожего на сахар. Я набирала полные карманы в надежде, что один из камней все-таки окажется лакомым.

Резиновая пробка от духов превращалась в жевачку, соломинки веника, завернутого в газету, – в сигару, оттаявший воробей в варежке – и вот ты спаситель в синих штанах с начесом поверх красных трусов, рыбки, пойманные на банку с дыркой в крышке, – океан в руках. Мне кажется, что я не особо выросла, я все так же восхищена миром.

Зимой, детьми, мы с братом наливали воду в валенки, ждали, когда они заледенеют, и катались в них в парадном на цементном полированном полу. Это то немногое, что я хотела сказать о фигурном катании.

В ту же зиму, в тех же валенках я вступила в идеально круглую лужу, подернутую льдом. И с головой ушла под воду в люк. Мамина радость. Мама молниеносно вытащила меня за шарф. Фигурное катание на этом и закончилось. Но после мне так понравилось малиновое варенье, тело, растертое спиртом, и сухая горчица в шерстяных носках.

Мама выписывала очень много журналов. Для нас, маленьких, – «Веселые картинки» и «Мурзилку». А когда мы с братом подросли, то начинали драться еще у почтового ящика – кто первым будет читать «Науку и жизнь» или «Технику молодежи».

Брат моей бабушки служил директором книжного магазина. Меня вылавливали с улицы, отмывали, одевали в нарядное, повязывали банты и вели к нему в гости. Дед сидел за дубовым столом в окружении книжных шкафов. Читать я тогда не умела. Но запомнила первую книгу, которую он дал мне в руки, – «Приключения Буратино». Она меня так восхитила, что спустя полвека я ее проиллюстрировала. Причем с тем же восторгом. Полгода не отрываясь от бумаги и красок.

В соседнем подъезде жила девочка Зина. Из семьи потомственных алкоголиков. Но обожала я ее не за это, а за то, что она училась во втором классе и умела читать. Я лезла к ней назойливой мухой, чтоб она показывала мне буквы и объясняла, как их складывать вместе. Мне было лет пять. Прошло два года, прежде чем меня согласились записать в библиотеку. На руки выдавали только десять тоненьких книжек, которые я прочитывала по дороге домой. А однажды прочла их тут же у библиотеки, чтоб сократить время. Библиотекарь с пристрастием допрашивала о содержании каждой книги, но новых почему-то не дала. После я записалась в пять библиотек. А в четвертом классе нам задали написать сочинение. Оно получилось длинным, на двенадцать страниц. Мне поставили двойку с припиской: «Нельзя списывать!» Морали тут нет. Каждый видит свое.

В классе у нас был мальчик, который прочел книг больше всех нас, вместе взятых. А двух слов связать не мог. Мне тогда казалось это странным, а теперь я и сама такая: вынимать из головы сотни миров – все равно что описывать белый шум.

Недалеко от нашего дома была березовая роща с заброшенным кладбищем. Там я обнаружила старенького попа, рыдающего у холмика. Села рядом и заплакала. Он, наверное, плакал о чьей-то ушедшей жизни, а я о том, что после смерти больше не увижу ни травы, ни цветов, ни солнца.

Маленькими детьми нас с братом на каникулы вывозили в зимний лагерь. Все, что я оттуда запомнила, – ледяные горы и вместо санок коровьи шкуры. Мы не знали, что они такие скользкие, просто делали из них чум и сидели в нем тунгусами до посинения.

В детстве я мечтала стать геологом. По весьма странной причине. Мне хотелось, чтоб я вышла в поле и на ветру у меня развевалась борода. А еще я была уверена, что девочки рождаются из папы, а мальчики из мамы. И ведь никто не пытался меня переубедить.

Играя в гардеробе, можно превратиться во что угодно – маленький ребенок натягивает не столько взрослую одежду, сколько примеряет разные роли, чтоб поточнее найти определение себя. Как если повторять одно слово много раз, оно превращается в другое, оставаясь при этом тем же.

Маленькой я попала в больницу. Я уже и не помню ни болезнь, ни ту больницу. Только худенькие руки брата, протягивающие печенье сквозь ограду. И брат вырос, и ладони его стали мозолистыми, но у него по-прежнему щедрые руки.

Узлы соцветий на стеблях так похожи на коленки и локти худенького ребенка.

Детьми мы распускали стебель одуванчика на полоски и засовывали их в рот. Получался осьминог. Взрослая речь тоже бывает похожа на осьминога.

У бабушки на столе была постелена клеенка с васильками. Я ее нюхала и облизывала. Бабушка смотрела, подперев голову рукой.

Одна моя бабушка пахла ладаном. А другая книгами и папиросами «Беломорканал».

Весной мы с братом покупали пару желтых цыплят по пять копеек. Жили они в картонной коробке, заваленные травой и булками. И, уже погибающих от обжорства, мама уносила их в деревню к бабушке. Там они вырастали в прекрасных белых куриц.

У нас не было отца. Когда они разошлись с мамой, мне был год, а младшему брату три дня, ее в этот день выписали из роддома. Но самое удивительное – мы никогда не тосковали по нему. И мама никогда не рассказывала нам о полярных летчиках и пограничниках.

Я только и помню, что наше детство было бедное, тихое и безмятежное.

Мне подарили двадцать копеек. И я тут же спустила их в «Детском мире». Купила сачок для бабочек. Зимой. Мне было все равно, живут ли на морозе эти бабочки. Они у меня обитали в голове.

На улице битый час ребенок кричит «А-А-А!» и стучит палкой по трубе. Ну а как еще узнать, что звук из себя прекрасен, а из трубы и палки – не особо. Но именно так ребенок узнает, из чего состоят он сам и окружающий его мир. Пожалуй, у человека самое долгое детство. А некоторые из нас так и не вырастают, как бы долго они ни кричали и обо что бы они ни бились.

Первая влюбленность. Когда мне было лет семь, я влюбилась в мальчика у окна. У него дрожала рука, в которой он держал стакан молока. Влюбленности так похожи на уколы острой жалости. Потом жизнь начинает вводить малыми дозами подкожную анестезию. И вот в зрелом возрасте ты уже с джекпотом на руках – вызволен из плена страстей, печали и несовместимости. Больше нет правил. Любить можно тихо, не корчась от боли и ничего не ожидая взамен.

Ребенку кажется, что в руках у него вечность. А потом, когда он взрослеет, она вытекает сквозь пальцы, разливаясь вечностью вокруг.

В мире животных

У знакомого фотографа старая такса любила коньяк. Ей всегда наливали в крышечку. Заканчивалось все одинаково: оба падали, храпели и пукали, обнявшись во сне.

В детстве нас вывозили в деревню. И как-то привели на постой пожилую лошадь, списанную с ипподрома. Она любила компот из сухофруктов. Косточки от абрикосов прятала за щекой, после складывала их на мою ладонь. У нее были мягкие и колючие губы. А потом ее выкупили буряты на колбасу.

Мы с братом мечтали стать наездниками. Скачки, поле, ветер в ушах, волосы назад, вот это все. А росту забраться на лошадь нет. Мы залезали на забор и оттуда прыгали ей на спину. Она терпеливо ждала и неспешно уходила в свой домик. А там между ее спиной и проемом двери узкая щель. Сначала падала я, а сверху на меня – брат. К концу лета мечта растаяла. Но зато появился бесценный опыт оценки соотношений размеров.

Деревня под Иркутском. Каждое утро коза выкатывалась к воротам поджидать почтальона – полакомиться газетой, просунутой в щель. Меня с малолетним братом дед снаряжал караулить. С тех пор газет я не читаю, в отличие от брата.

У мамы была корова по имени Молоко. Завидев маманю на пастбище, неслась к ней галопом, задрав хвост. Ей давали яблоко и говорили нежные слова.

У брата была овчарка по имени Любимая. Нужно ли после рассказывать о тонкостях деревенского юмора?

Однажды мне на голову упал рой голодных пчел. В коже головы немного нервных окончаний, об этом знают татуировщики и китайские мастера пыток. Телу эти знания ни к чему, оно жаждало рыть глубокую яму, лечь в нее, прикрывшись кирпичами и палками.

В деревне у нас жила балерина, уже давно вышедшая на пенсию. К ней прибилась собачка Дуня, такая же сухонькая и жилистая. И вот сидят они на

крыльце, балерина крошит булку в миску с молоком, а печальная Дуня лакомится и целует ей пальцы.

Уже взрослой я купила стеклянный куб для рыбок. За восемь лет в нем сменились десятки разнообразных видов. Осталась только пара летучих клинобрюшек, которые покупались как капризные в уходе, требующие специального аквариума. Но именно они оказались самыми неприхотливыми, и вместо полетов над водой они просто кружатся в хороводе. Изредка такое явление встречается и у людей.

А завораживал меня стеклянный сом, абсолютно прозрачный, даже скелетик внутри него просвечивал. Сквозь сома было видно все, мимо чего он проплывал. Пару раз мне встречались подобные слушатели. Наверное, из таких выходят хорошие психотерапевты.

Как-то мой брат работал прорабом на очистных сооружениях. Обнаружил, что водохранилище теплое и полно гуппи. Наловил рыбок прямо ведром. Принес мне в подарок. Полное ведро синей, красной, зеленой карамели: так рыбки были похожи на леденцы. Через месяц вся яркость их расцветки поблекла. И мы еще

много лет раздавали этих рыб, которые размножались с трагической скоростью.

Кстати, о размножении. Обзавелась я как-то банановыми сверчками. За их удивительный стрекот, так похожий на журчание воды. Аквариум с ними поставила на рабочий стол и часами наблюдала за устройством их жизни. И вот их там уже не дюжина, а пара сотен. Аквариум небольшой, перенаселение. Начались войны за места и самок. Кто-то убил соперника, сидит пожирает его ногу, а в это время тихий заморыш вовсе женится на освободившейся невесте. Потом мне понадобился стол целиком, аквариум переехал на пол. А через месяц там вновь осталась дюжина сверчков. Некому стало на них смотреть.

Когда-то у меня месяц жил сфинкс Горгулий, страшный, как гражданская война. И стеснительный, как Паниковский. Стеснялся он обычно за теплым монитором, редко выглядывал. Слова «Горгулий, какой же ты красивый» сначала вводили его в замешательство, потом в смятение. Он сосредотачивался, прикладывал руку к груди и выходил для любви.

Очень давно у меня жил розовый перс Ряженка. Одним ударом когтя он вспарывал вену на ноге и, пока хлестала кровь, не спеша удалялся. Мстил за вычесывание колтунов. С тех пор у меня гиперразвито боковое зрение.

Дача, осень, сливы падают с дерева. Под деревом дюжина мышей, выстроившись в цепочку, передают опавшее друг другу, последний складывает сливы в ровную пирамидку. Ночью всё унесли в закрома. Судя по пирамидке у сарая, переносили так же, цепочкой.

На чердаке жили голуби, мы с братом часто туда забирались. Смотрели, как голубки высиживают яйца, как потом из них вылупляются птенцы: лысые, жалкие, с пучками пуха на синенькой коже. Перемазанные пометом, мечтали, что вот вырастем и полетим в теплые края. Делали крылья из пластилина и перьев. Слабоумные и отважные дети. А во сне я до сих пор летаю. Правда, теперь уже невысоко.

Служительница зоосада с укором выговаривала ленивцу, чтоб не капризничал и спускался завтракать, так как ей тяжело третий день залезать на дерево и изображать из себя фруктовые ветки.

Увидели однажды, как ворона подкладывала на рельсы задубевшую булку, отлетала на дерево и ждала, когда проедет трамвай, после спускалась и собирала крошки. Глядя на нее, мы с братом раскладывали на рельсах монеты и собирали их расплюснутыми и горячими. Радости было полные штаны.

Пуговицы почему-то отлетали нетронутыми.

Как-то я прочла историю о ньюфаундленде. Зимой на прогулке он залез в сугроб, что-то выкопал оттуда и сунул в рот. Хозяин попросил выплюнуть. Пес сделал вид, что да, выплюнул и закопал. А вернувшись домой, открыл пасть, откуда вывалился котенок. Во рту согрелся и ожил. «Гены пальцем не раздавишь», – сказал хозяин ньюфа. Так и живут теперь втроем.

Как-то повела племянника в зоосад. Остановились у вольера с бородавочниками. Семилетний племянник быстро смекнул, что у бородавочников свадьба, и убежал смотреть на львов. А я застряла у вольера на десять минут. У самца пенис был похож на штопор.

Нет, ну вот как?

Лет десять тому назад нам подарили пару амадин. Я им выдала имена: белой самочке – Бусинка, а пестрому самцу – Орден. Через полгода они снесли несколько яиц. Из одного вылупилась девочка Брошка. В дикой природе амадины живут от двух до пяти лет. Пошел одиннадцатый год.

Задумаешься тут о жизни в неволе.

Мне иногда кажется, что животные – это инопланетяне, в бесконечном разнообразии видов, форм, окраса, со своим языком, мышлением, характером и повадками. Мне вот в голову не могло прийти, что кот Паровозов будет переживать за своих жену и дочь. Доктор их прооперировал и уложил на пол. Паровозов ринулся вылизывать им глаза, уши, ложился сбоку и между ними, согревая своим телом. Пытался вынуть из-под них мокрую пеленку. А когда они отошли от наркоза и пробовали встать, он поддерживал их своей головой.

Или кто бы мог подумать, что беспородный кот перетащит своих детей через форточку в дом, когда у кошки, жившей в подвале, пропало молоко. И что этих котят будет выкармливать старенькая дворняжка, никогда не рожавшая, невесть откуда появившимся у нее молоком.

Поздний вечер. Настойчивые звонки в дверь. Хозяин пытается разглядеть непрошеного гостя в дверной глазок. Но там темнота. Проснулся кот, подошел, уперся головой в дверь и обнял ноги хозяина хвостом. Да, беспокоиться было не о чем, просто перегорели лампочки, и сосед хотел узнать, есть ли свет в квартирах.

У меня живет кот по имени Пуся Паровозов, телом он как паровоз, а голосишком и кротким нравом – Пуся. С возрастом он стал нежен, забирается спать под одеяло, кладет голову мне на руку, вздыхает и храпит, как человек. Даже речь его усложнилась до адвокатской – всех простить и пожалеть. Переживает, когда за окном плачет ребенок. Не так давно обнаружил, что в мире есть мухи, часами за ними наблюдает, вздергивая бровь. А однажды увидел в своем горшке паука. Терпеливо ждал, пока я его выну и отпущу к деткам.

Еды Паровозов никогда не выпрашивает, просто садится у пакета и вежливо в него стучится.

Паровозов как Будда. Он все время в нирване. Идешь, к примеру, мыть кисточки и менять воду в банке, руки заняты, ну иди и меняй, но нет, Паровозов на пути лежит, кинешься к нему Карениной шубу его нетраченную нюхать, а он как лежал, так и пахнет ванильными булочками. И ходит он, как генерал в отставке. Генерал с булочками. Родился он у меня на коленях, мать его неделю искала правильное место. Потом, конечно, унесла сына от глаз моих подальше. А через неделю вернула ко мне в кровать, подоткнула под пузо и уметелила по делам, с тех пор мы и живем в одной постели – я калачиком на подушке, а Паровозов по транспортиру вдоль и поперек.

У Паровозова есть страстишка – он любит шнурки, нитки и бумагу. Ложится на них и молча любит.

В детстве у него обнаружился остеогенез. Хрустальная болезнь – такое красивое название для хрупких костей. Мы его вылечили с одним микробиологом. И чтоб поддержать ломкие кости, понадобились крепкие мышцы – так у Паровозова появилась подружка. Официально по паспорту ее зовут Анат. А неофициально Аграфена Кондратьевна Паранойева. У нее нервы. Она весьма умный и любопытный зверек. Но. А вдруг война?! Кругом враги! Поэтому она любит коробки. Даже прикрывает за собой крышку. А потом долго и печально стонет внутри. Ведь ее увезли от маменьки младенцем на растерзание бастарду Паровозову. Так же растерзанно она родила пятерых котят, которые живут теперь припеваючи по всему миру. Одну ее кровинушку мы оставили ей. Она ее, мягко говоря, недолюбливает. Простирнуть у дитя и мужа шубу и тут же врезать маникюром по уху – ее обычный ритуал. А так нервы и враги. Но ее все любят, чем могут. И антресоли, где хранятся картины, в полном ее владении. Поэтому она культурная и образованная кошка. А мы – челядь и грязь под ногтями. Каждый раз стесняемся проходить мимо войной, голодом и вшами. Но мы стараемся, делаем вид, что и мы культурные. Причесываемся и чистим зубы. А еще эту кошку никто из гостей никогда не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kirdiy_viktoriya/sestra-talanta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)